

УДК 340.0

DOI: 10.34670/AR.2023.35.29.007

Классификация социальных институтов в правовом государстве**Матюхин Анатолий Алексеевич**

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории государства и права,
Юридический институт,
199106, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Гаванская, 3;
e-mail: amatyukhin200@yandex.ru

Куксин Иван Николаевич

Доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор департамента права,
Институт экономики, управления и права,
Московский городской педагогический университет,
129226, Российская Федерация, Москва,
2-ой Сельскохозяйственный проезд, 4к1;
e-mail: proffKuk-1944@yandex.ru

Материал данной статьи частично изложен в монографии: Матюхин А.А. Государство в сфере права: институциональный подход. Алматы: Эдилет, 2000. С. 355-369.

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о классификации в западноевропейской и российской юридической литературе категории «социальный институт» с учетом бытия его в правовом государстве. Авторы акцентируют внимание и дают оценку имеющимся точкам зрения на эту проблему, раскрывают связь понятия «институт» с идеями правового государства, выявляют всеобщее содержание социальных институтов в правовом государстве. В статье отмечается роль и значение институционализации государственной и общественной жизни, дается характеристика институционально переоформленного взаимодействия при конфликте интересов, когда на первый план выходят конкретные процессуальные фигуры, которые занимают формальные места, например, в суде. В институтах законодательной власти и общественно-политических институтах задача институционального переоформления отношений решается за счет механизма представительства. В заключение авторы предлагают исходить из сущностного определения человека, личности как основного политико-правового института гражданского общества. Политико-правовая трактовка гражданского общества должна отталкиваться не только от абстрактных принципов субстанциального значения гражданского общества для формирования пространства современной правовой культуры, пространства правовой организации общественной и государственной жизни. Следует исходить из сущностного определения человека, личности как основного политико-правового института гражданского общества, опираться на уже известные из истории общества и его многочисленных философских

систем понятия и принципы коллективизма и индивидуализма, отражающие объективную диалектику социальности человека во всех измерениях государственной и общественной жизни, включая политико-правовое пространство, сферу права, правовое сознание, правовую культуру и т.п.

Для цитирования в научных исследованиях

Матюхин А.А., Куksин И.Н. Классификация социальных институтов в правовом государстве // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 73-81. DOI: 10.34670/AR.2023.35.29.007

Ключевые слова

Социальный институт, гражданское общество, человек, личность, правовые нормы, правовое поведение, правовой институт, правоприменение, правовое государство, правовая система.

Введение

вопроса об их классификации. Для целей, связанных с проблематикой правового государства, полезна классификация институтов по сферам государственной и общественной жизни. В зависимости от того, отношения какой сферы данные институты оформляют, учитывая четыре основные сферы (экономическую, политическую, социальную и духовную), выделяются экономические, политические, правовые, религиозные институты, институты науки, образования и т.д.

Поскольку сферы государственной и общественной жизни, и это видно на примере права и политики, могут существенно пересекаться между собой, постольку представляется более интересным классифицировать институты в зависимости от того, какого типа социальные нормы позволяет воспроизводить данный институт.

Основная часть

В теории государства и права продуктивно исследуются существенные различия, с одной стороны, норм обычаев и традиций, норм морали и общественных объединений, а с другой – норм права [Алексеев, 1998, 281, и др.]. Анализируется вся совокупность системы нормативного регулирования общественных отношений с помощью различных правовых и неправовых средств, ибо система нормативного регулирования — это совокупность социальных норм, регулирующих поведение людей в обществе, отношения их между собой в рамках объединений, коллективов, а также социально-технических норм, регламентирующих их взаимоотношения с природой. Система нормативного регулирования обеспечивает в целом упорядоченность существующих в обществе отношений [Комаров, 2022, 364]. Соответственно, среди всей совокупности общественных институтов выделяются *социокультурные, политико-правовые* и чисто *правовые* институты.

Данная классификация удобна тем, что институты из определенных разрядов имеют известные различия в составе. Общими для всех институтов являются составляющие их компоненты: ценностная Идея; ритуально-символическое оформление; нематериальные опоры («дух народа», нравы, самосознание, менталитет). Составляющими элементами, специфичными

для политико-правовых институтов, выступают формальные места и процедуры; материальные опоры; каналы и механизмы институциональной реализации норм. Институты права имеют те же принципиальные компоненты плюс к ним специальные механизмы, удерживающие их вне политики, как независимые и беспристрастные.

Общим для всех институтов является также понятие институциональной формы и принцип ее соответствия ценностной Идее, принципы культурной безусловности существования института и укорененности института в традиции. Институциональная форма обнаруживается в таких внешне несхожих институтах, как семья, университет, парламент, суд. Однако если для семьи формально-процедурные способы действия не характерны, в университете имеют частное значение (экзамены, защиты диссертаций, заседания кафедр и ученых советов), а для парламента становятся предметом политической борьбы, то для суда как «чисто» правового института система формальных мест и процедур – основа институциональной организации.

М. Ориу, например, представил *субстанциональную* классификацию институтов, выделив *институты-корпорации* и *институты-вещи* [Ориу, 1929, 113].

Данная система целенаправленно (искусственно) обеспечивается за счет создания специализированных *процессуальных норм*. В этом смысле разделение на материальные и процессуальные нормы выступает как механизм институциональной реализации норм, отличительный именно для институтов права.

При конфликте интересов институционально переоформленное взаимодействие осуществляют уже не люди, а *процессуальные фигуры*, которые занимают формальные места в суде. В институтах законодательной власти и общественно-политических институтах задача институционального переоформления отношений решается за счет механизма *представительства*.

В демократическом обществе базисные политико-правовые и (особенно) правовые институты являются *формальными*. Формальность, как свойство института, открывает возможности целенаправленного воздействия на политико-правовые институты за счет преобразования их формальной составляющей, которая легче поддается контролю.

Институциональная организация общественной жизни имеет ряд ограничений на преобразование:

- ограничения культурного характера, идущие со стороны ценностной идеи (институционализированные ценности должны сохраняться при любом преобразовании, не меняющем сути института);
- ограничения со стороны символично-ритуальных форм, которые консервативны сами по себе.

Для решения задач, связанных с *институциональными преобразованиями*, – к ним относится задача построения правового государства как трансформация имеющегося государства, являющегося институтом, в правовое, – важно различение «естественных» и «искусственных» компонентов в составе института.

Социокультурные институты, которые гораздо менее формализованы, чем политико-правовые, намного более естественны и, стремясь сохранить свой «внутренний смысл» (соответствие Идее), меньше поддаются внешнему искусственному воздействию. Так, переход от «буржуазного» государства в «социалистическое» оказался гораздо легким, чем, скажем, преобразовать семью. Для трансформации основного института гражданского общества – социокультурного института личности – потребовалась еще одна революция – культурная.

Наиболее «искусственный» компонент институтов – это их материальные опоры, которые в

случае целенаправленного институционального строительства или преобразований начинают приобретать *технический* характер. Технической основой существования политико-правовых институтов служат по-разному организованные *технологии, инфраструктуры* и т.д., а также многочисленные каналы и механизмы, позволяющие реализовывать и символизировать процедуры.

И представительство, и разделение материальных и процессуальных норм являются преимущественно искусственно-техническими механизмами. Представительство позволяет непрофессионалам участвовать в работе специализированного института, а разделение правовых норм – приспособлять их к изменяющимся конкретным обстоятельствам, сохраняя в то же время стабильный (процессуальный) порядок нормотворчества, который признан данным обществом справедливым.

При рассмотрении данного вопроса нельзя не видеть, что *основным институтом, конституирующим гражданское общество, является институт личности*. Не только институт является – в категориальном смысле – личностью, но и *личность есть институт*. Различаются употребление слова «личность» в обыденном языке, личность как *предмет* научного изучения (психологии, культурологии и т. д.), личность в духовно-религиозном смысле и институт личности. При этом в обыденном словоупотреблении перечисленные значения могут в разной степени смешиваться.

Собственно говоря, Идея Личности – результат процесса индивидуализации человека, выделения его из сообщества, рода, коллектива, группы. Ее генезису предшествует возникновение *индивидуального сознания*. Но личность – это не просто индивид. Личность, как считает С.А. Комаров, есть индивид, который в своей общественно-исторической деятельности развит до уровня субъекта действительности. Иначе говоря, индивид становится личностью, когда достигает самостоятельности в своей деятельности, когда он уже не растворен в той или иной социальной организации, в своей социальной общности. Личность, рассматриваемая в политико-правовом ракурсе, т.е. подпадающая под действие законов и подзаконных актов государства, приобретает определенные правовые свойства, четко зафиксированные в законодательстве [Комаров, 2022, 192].

Идея личности опирается на представления о *душе*, которые психология ассоциирует с психикой, а культурология – с персональным измерением культурных норм-образцов, культурным типом человека и т.д. При наличии социокультурных условий, которые являются «духовными опорами», Идея Личности институционализируется, что происходит далеко не во всякой культуре. *Социокультурный институт личности* обеспечивает воспроизводство целого ряда новых представлений, касающихся человеческих отношений: межличностные отношения, приватная сфера, частная жизнь и т. д. Эти представления налагаются на другие, связанные с функционированием в обществе политических, экономических и правовых институтов, прежде всего, на представления о частной собственности, а также о гражданине как активном участнике экономической и политической жизни, обладающем *правами*. Возникает *политико-правовой институт личности*, воспроизводящий *юридическое понятие личности* как лица (*persona*) и представление о *личных правах*.

Воспроизводство социокультурного института личности выступает культурным фундаментом для устойчивого функционирования и развития политико-правового института личности. В то же время заимствование политико-правового института личности теми культурами, которые, как китайская и японская, не имели ярко выраженного социокультурного института личности, предоставляет благоприятные возможности для создания последнего. Тип

социокультурного института личности, являющегося одной из наиболее устойчивых конститутивных черт общества, гораздо меньше поддается внешнему искусственному воздействию, чем тип политико-правовых институтов.

Так, согласно политико-идеологическим постулатам, доминировавшим у нас в относительно недавнем прошлом, для преобразования института личности из «буржуазного» в институт «социалистической» личности потребовалась, помимо политической, еще одна революция – культурная, последствием которой стало формирование особого типа личности – *homo soveticus* [Зиновьев, 1991], хотя воспитать «коммунистического человека», несмотря на все усилия, так и не удалось. Теперь личность этого типа крайне плохо и неохотно приспособляется к новым условиям рыночной экономики, базовый институт которой – *экономический индивид* – «устроен» принципиально иначе, чем *homo soveticus*.

Рассматривая проблему личности как институционализирующего основания гражданского общества, нельзя, на наш взгляд, не обратиться к такому важнейшему и актуальнейшему вопросу, как *принципы индивидуализма и коллективизма в трактовке гражданского общества*.

У всех политико-правовых, философских, социально-экономических стратегий, которые претендуют на то, чтобы нарисовать портрет нашего переходного, транзитного общественного состояния и наметить контуры грядущего социального развития, есть общий момент. Он состоит в том, что при признании ими фундаментальной значимости *коллективного* начала, несомненной актуальностью обладает *стратегия на индивидуализм, индивидуальное* как форму деятельного, свободного и ответственного саморазвития и самоопределения человека, личности, что является основополагающим условием *современного* социо-экономико-культурного, политического и правового обустройства и дальнейшего развития и самого человека, и социального целого.

Можно сколь угодно долго, последовательно и настойчиво утверждать, что самые глубинные потребности и интересы – это потребности и интересы собственной индивидуальности. Однако все наши добродетели, как и все наши пороки и ошибки, будь они внешне проявлением исключительно нашего глубинного «я», с необходимостью могут себя проявить как пороки или добродетели только в *социальной* среде. Поэтому, как бы мы ни старались подчеркивать значение идеологии и философии «индивидуального», мы не можем отказаться или покинуть раз и навсегда сферы «коллективного» [Матюхин, 2000, 362-363].

Таким образом, предпочтение теории относительно или «коллективного», или «индивидуального», если теория разводит их порознь, не является лучшим выбором концептуально-методологического плана. Точно так же и относительно выборов социальной системы и идеологий, обеспечивающих и поддерживающих ее в области укрепления социальной, экономической, политической и прочих структур общества: в обстоятельствах реальной дилеммы «коллективное – индивидуальное» предпочтение одной из сторон является не лучшим вариантом. Ведь выбор может проводиться с различных позиций и точек зрения и обязательно с учетом многих факторов и последствий, поскольку система, обеспечивающая самое высокое производство, может оказаться самой несправедливой или оставляющей людям наименьшую независимость.

Человек – такое существо, которое знает возможное, но все-таки стремится к невозможному. Это существо, которое одновременно *претерпевает* историю и страстно хочет ее *выбирать*. Как коллективистски социально ориентированное и сущностно определенное существо, он вписан в параметры наличного исторического бытия, скорее, в виде «претерпевающего» историю субъекта. Однако одновременно как существо индивидуальное, как личность, он с

завидным упорством желает и последовательно стремится выбрать историю, уникальный путь своего движения в ней и даже переделать историю сообразно своим представлениям. Поэтому и утверждается, что мы не можем раз и навсегда покинуть сферу «коллективного», но при этом также не в состоянии преодолеть «соблазн» индивидуального. Такова действительность, следовательно, такова философия и идеология человеческого бытия.

Другое дело, что в наших, совершенно новых для российского общества условиях идея индивидуального, индивидуальности означает не только стремление утвердить какое-то еще одно новое слово о высоком смысле понятий «человек», «личность», «индивидуальность». В принципе мы являемся современниками и посильными участниками невидимого внешним образом и очень продолжительного процесса: в изменившихся исторических условиях признавая значимость коллективного, социального, мы признаем и равноправие, одновременную исключительную значимость индивидуального.

Идея «социоиндивидуализма» не означает совершенного отказа от идеи социальной сущности человека. Но, во-первых, она является выражением противостояния идее *безусловного доминирования* социального, над индивидуальным, коллективистского над личностным. Во-вторых, она предполагает в новых исторических условиях коренное изменение оппозиции «коллективное – индивидуальное» в пользу идеи значительного расширения представления о человеке и мире в целом, открытия новых возможностей познания социальной реальности.

В обществе сегодня наблюдается довольно странное превращение, когда кажется, что человек утрачивает какие-то внутренние основы и механизмы своего собственного индивидуального бытия. Возникают совершенно новые проблемы там, где до сих пор ощущался определенный порядок вещей, имевший оправдание в самом себе. В этом порядке человек представлял, зачем и ради чего он существует. Непостижимая и чуждая сила похитила у него все, благодаря чему он считал мир своим домом, что придавало форму и определенность его существованию.

Для государства и общества этот человек не представляет больше живой формы реальности; государству ведомы лишь абстрактные понятия – занятость, реформы, налоги и т.п. Также обстоит дело и с обществом: для него существуют неотложные меры, гуманитарная помощь, заработная плата. Кругом одни абстракции, которые выражают какие-то «отношения». Вдобавок мы становимся жертвами всевозрастающего влияния массовизации культуры, стандартизации одежды и продуктов потребления, стандартизации и унификации самого образа жизни, цифровизации во всех сферах государственной и общественной жизни. «Личность в информационно-цифровой среде имеет определенные формы своей самореализации внутри системы информационных отношений. Каждая личность может реализовывать имеющиеся у нее потребности, связанные с ее жизнедеятельностью сугубо индивидуально, с учетом ее возможностей (образовательных, технологических, финансовых). Для своей реализации потенциально любая личность должна определять несколько взаимосвязанных перед собой целей» [Воробьев, Комаров, 2022, 1, 29].

И все-таки что-то подталкивает нас к обособлению, к сопротивлению в пользу возможности индивидуального самостояния. Именно в ходе этого процесса обособления от внешних довлеющих сил получает свое воплощение «чудесное социальное» – именно этим термином Эмиль Дюркгейм обозначал связующую силу, лежащую в основе любой ассоциации людей. В качестве этой силы могут выступить такие феноменальные по своей трансцендентности факторы, как «народный дух», «национальная идентичность», «этнический менталитет» и т. д.

Это «чудесное социальное», подобно юнговскому архетипу коллективного

бессознательного, вновь затрагивает в нас какие-то «языческие» струны, которые никогда не умолкали в народной душе. Таким образом, пытаясь уйти из-под власти анонимных символов и институтов, мы, стремясь сохранить свою персонифицированную самость, прибегаем к помощи других символов, которые помогают нам «держаться вместе», «одомашнить» мир, который в противном случае представлял бы для нас угрозу. Некое «общее чувство», «здравый смысл» помогает нам, стремящимся индивидуализироваться, одновременно и социализироваться. Коллективное и индивидуальное в этой деятельности, направленной на обустройство нашего собственного мира повседневности, присутствуют совместно и вполне взаимосвязано [Матюхин, 2000, 367-368].

И уж, коль скоро мы намерены строить гражданское общество, то уважение к личности, философию и идеологию личности, философию индивидуализма, знающего меру своей свободы и ответственности, следует восстанавливать. Сейчас можно нередко услышать о том, что в каждом из нас живет частичка Бога. Если это так, то нужно помнить, что, изгоняя первых людей из рая, Творец благословил их, повелев в поте лица добывать хлеб свой. И предрек Бог это *всем* людям, – а значит, безусловно, *каждому*. Создатель знал и знает, что и в сообществе человек все делает исключительно *сам*...

Заключение

В целом можно констатировать, что политико-правовая трактовка гражданского общества должна отталкиваться не только (и даже не столько) от абстрактных принципов субстанциального значения гражданского общества для формирования пространства современной правовой культуры, пространства правовой организации общественной и государственной жизни. Нам следует исходить из сущностного определения человека, *личности как основного политико-правового института гражданского общества*. При этом мы должны опираться на уже известные нам из истории общества и его многочисленных философских систем понятия и принципы коллективизма и индивидуализма, отражающие объективную диалектику социальности человека во всех измерениях государственной и общественной жизни, включая политико-правовое пространство, сферу права, правовое сознание, правовую культуру и т.п.

Библиография

1. Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М.: Норма, 1998. 409 с.
2. Воробьев С.М., Комаров С.А. *Формы самореализации личности в информационно-цифровой среде // Теория государства и права. 2022. № 1 (26). С. 31-46.*
3. Елагина А.С. Доктринальные основания прав личности в международном праве: поиск новой парадигмы // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 9А. С. 282-287.
4. Зиновьев А.А. Гомо советикус; Пара Беллум. М.: Московский рабочий, 1991. 412 с.
5. Комаров С.А. Общая теория государства и права. М.: Юрайт, 2022. 528 с.
6. Матюхин А.А. Государство в сфере права: институциональный подход. Алматы: Эдилет, 2000. 596 с.
7. Ориу М. Основы публичного права. М., 1929. 759 с.
8. Salamon L. M., Sokolowski S. W., List R. Global civil society. – Bloomfield, CT : Kumarian, 2004. – Т. 2.
9. Loughlin M. Foundations of public law. – Oxford University Press, USA, 2010.
10. Ehrlich L. Comparative Public Law and the Fundamentals of Its Study //Colum. L. Rev. – 1921. – Т. 21. – С. 623.

Classification of social institutions in a legal state

Anatolii A. Matyukhin

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Theory and History of State and Law,
Law Institute,
199106, 3, Gavanskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: amatyukhin200@yandex.ru

Ivan N. Kuksin

Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Professor of the Department of Law,
Institute of Economics, Management and Law,
Moscow City Pedagogical University,
129226, 1, 4, Vtoroi Sel'skokhozyaistvennyi passage,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: proffKuk-1944@yandex.ru

Abstract

The article examines the issue of classification in Western European and Russian legal literature of the category “social institution”, considering its existence in a rule-of-law state. The authors focus on and evaluate the existing points of view on this problem, reveal the connection between the concept of “institution” and the ideas of a rule-of-law state, and identify the general content of social institutions in a rule-of-law state. The article notes the role and significance of the institutionalization of state and public life, provides a description of institutionally redesigned interaction in the event of a conflict of interests, when specific procedural figures come to the fore, occupying formal places, for example, in court. In the institutions of legislative power and socio-political institutions, the task of institutional reorganization of relations is solved through the mechanism of representation. In conclusion, the authors propose to proceed from the essential definition of a person, an individual, as the main political and legal institution of civil society. The political and legal interpretation of civil society should be based not only on the abstract principles of the substantial significance of civil society for the formation of the space of modern legal culture, the space of the legal organization of public and state life. We should proceed from the essential definition of man, personality as the main political and legal institution of civil society, rely on the concepts and principles of collectivism and individualism already known from the history of society and its numerous philosophical systems.

For citation

Matyukhin A.A., Kuksin I.N. (2023) Klassifikatsiya sotsial'nykh institutov v pravovom gosudarstve [Classification of social institutions in a legal state]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (9A), pp. 73-81. DOI: 10.34670/AR.2023.35.29.007

Keywords

Social institution, civil society, person, personality, legal norms, legal behavior, legal institution, law enforcement, rule of law, legal system.

References

1. Alekseev S.S. (1998) *Samoe svyatoe, chto est' u Boga na zemle. Immanuel Kant i problemy prava v sovremennuyu epokhu* [The most sacred thing that God has on earth. Immanuel Kant and problems of law in the modern era]. Moscow: Norma Publ.
2. Elagina A.S. (2018) Doktrinal'nyye osnovaniya prav lichnosti v mezhdunarodnom prave: poisk novoy paradigmy [Doctrinal foundations of individual rights in international law: the search for a new paradigm]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (9A), pp. 282-287.
3. Komarov S.A. (2022) *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General theory of state and law]. Moscow: Yurait Publ.
4. Matyukhin A.A. (2000) *Gosudarstvo v sfere prava: institutsional'nyi podkhod* [The state in the sphere of law: an institutional approach]. Almaty: Edilet Publ.
5. Oriu M. (1929) *Osnovy publichnogo prava* [Fundamentals of public law]. Moscow.
6. Vorob'ev S.M., Komarov S.A. (2022) Formy samorealizatsii lichnosti v informatsionno-tsifrovoi sfere [Forms of personal self-realization in the information and digital environment]. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law], 1 (26), pp. 31-46.
7. Zinov'ev A.A. (1991) *Gomo sovetikus; Para Bellum* [Homo soveticus; Para Bellum]. Moscow: Moskovskii rabochii Publ.
8. Salamon, L. M., Sokolowski, S. W., & List, R. (2004). *Global civil society* (Vol. 2). Bloomfield, CT: Kumarian.
9. Loughlin, M. (2010). *Foundations of public law*. Oxford University Press, USA.
10. Ehrlich, L. (1921). *Comparative Public Law and the Fundamentals of Its Study*. *Colum. L. Rev.*, 21, 623.